

Триумф ко

Мария Аронова в спектакле "За двумя зайцами"

МЕДИАНТКИ

Век режиссерского театра, кажется, подходящий к своему финалу, едва не отучил публику восхищаться его величием Актером. А ведь хочется иногда и по старинке: чтобы распахнулся занавес, и явился на сцене артист, а тебе осталось только ахнуть, да руками развести.

И ведь случилось же, да там, где не ожидаешь вовсе. Не в вахтанговский огород камешек, в нем-то как раз традиция актерского праздника отчасти сохранилась. Но уж пьеса М.Старицкого "За двумя зайцами...", знакомая больше не театральными воплощениями, а по известному одноименному фильму, казалось, новых открытий не сулила. Попробуй-ка переплюнь Олега Борисова со товарищи, когда зрители, шурша программками, еще до начала спектакля только фильмом и вспоминали.

Режиссер Александр Горбань, то ли убоявшись сравнений, то ли в силу еще каких причин, за ценой не постоил — выдал целый каскад трюков с переодеваниями, чтобы публику и насмешить, и внимание удержать, и о прошлом забыть заставить. Тут и кабаре с канканом, и испанская пляска с кастаньетами, и черт с ангелом под снежинками бродяг, и дивчины с парубками каблучками стучат. Но вот ведь диво-то какое: лишь выйдет на сцену Мария Аронова — Проня, невеста без места, но с капиталом — и ничего не надо, никаких внешних причуд.

Она сама себе — театр. Такую на площадь одну выпусти — что хочешь, изобразит. И будешь себе стоять, как миленький, забыв о времени, только бы не кончалось это. Ну хоть еще немножко, хоть минуточку. А ей хоть бы что — да пожалуйста! Что, нравится? Так я вам еще и не то представлю.

Ах, как любят актрисы себя украшать — и прическа чтоб в

ажуре, и глазки, и платьице. А эта Пронька — без слез не взглянешь. Нос — на троих хватит, пышности с трудом в корсет "засупонены", голосок от гнусавит "с проносом", то басом как рыкнет. А сама ж себе — павой кажется, "принцессой", не зря в пансионе три месяца обучалась. И не потому, что глупа — влюбилась, вот беда. Только это для Голохвостого — М.Васькова беда, такую вот "жабу кислоухую" в жены взять, а ей любовь — счастье. Ничего вокруг не видит в сердечном томлении — лишь бы перед суженым лицом в грязь не ударить. Зычно командует, подобно маршалу: "Папенька!" — цилиндр ему на голову, и не беда, что в мятых шароварах; "Маменька!" — кокетливую шляпку поверх платка "с розами". А себе — букет к бюсту пристроила, и хоть на розовом рояле выезжай к жениху. А чего скупиться на своем счастье!

Смешно до колик, как и полагается в комедии. Зрители едва ли не под кресла уползают от хохота. Но вдруг ловишь себя на мысли, что Аронова тебя не только веселит. В таком неммыслимо-гротесковом рисунке она еще умудряется и жить на полную катушку — с чувством, со страстью. В общем, публика, в отличие от Голохвостого, немедленно в нее влюбляется и актрисе в душе с жаром подыгрывает.

А ведь вот она, вахтанговская традиция — живая, праздничная. Никуда не делась, не растворилась в воспоминаниях, давних мемуарах и ностальгических рассказах бывалых театралов. Она и сегодня на сцене — только придите в театр, повстречайтесь с Марией Ароновой, смейтесь и плачьте, кричите "Браво!". Актриса-то совсем молодая, значит — есть перспектива, будет судьба, а нам — радость. Редкая сегодня, а потому и ценная вдвойне.

Ирина АЛПАТОВА